

УДК 82.0

DOI: 10.32343/2409-5052-2022-16-3-278-293

Научная статья

Изоляция как литературный и жизненный опыт читателя: методический аспект

И. В. Сосновская¹, Н. П. Терентьева²¹Иркутский государственный университет, г. Иркутск
*1*sosnoirina@Yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0237-0729>²Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
*2*terninapavl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-6116>

Аннотация. Введение. Статья посвящена актуальной проблематике сегодняшнего дня – методическому осмыслению опыта переживания ситуации изоляции в разных её формах в литературе. Авторы статьи обращаются к понятию «изоляция» в междисциплинарном контексте: философском, социальном, психологическом, культурологическом, литературоведческом. Основополагающим является методический аспект: разрабатывается инструментарий анализа и интерпретации художественных текстов, связанных с феноменом изоляции. Цель статьи – выявление актуальных методических подходов к анализу и интерпретации произведений XX–XXI вв. с проблематикой изоляции.

Материалы и методы. Научным посылом к написанию данной статьи послужили Международные Лейдермановские чтения в Екатеринбурге, темой которых была «Изоляция как литературная ситуация». Методическим посылом и способом диагностики восприятия темы послужило выполнение студентами-филологами Южно-Уральского гуманитарно-педагогического университета и Педагогического института Иркутского государственного университета философского эссе в период самоизоляции 2020 и 2022 годов. Многовекторность понятия и проблемы изоляции, а также разные смысловые грани переживания изоляции в эссе студентов диктуют определённый выбор художественных текстов для анализа и интерпретации их на уроках литературы: насильственная изоляция человека как форма эксперимента над ним; вынужденная социальная изоляция, вызванная войной; изоляция людей вследствие эпидемии, наконец, психологическая изоляция современного подростка, порождённая цифровой средой. Актуальная проблематика реализуется через обращение педагога к диалоговым, рефлексивным технологиям.

Результаты. Осуществлён анализ культурологических, социологических источников по проблеме изоляции, обозначены её виды. Выявлена реакция на неё современной молодёжи, будущих педагогов-словесников, актуальные аспекты её интерпретации читателями. Осуществлён отбор текстов и методических технологий для работы с проблематикой изоляции на уроках внеклассного чтения.

Заключение. Авторы делают вывод о необходимости ознакомления юных читателей с феноменом изоляции как в художественном, так и в жизненном и социальном аспек-

© Сосновская И. В., Терентьева Н. П., 2022

тах. Погружение школьника-читателя в литературный опыт проживания изоляции героями книг посредством применения рефлексивных и герменевтических приёмов и техник анализа и интерпретации текстов актуализирует личностный опыт, переживания подростков, расширяя тем самым их ценностный мир и опыт социализации.

Ключевые слова: *изоляция, самоизоляция, анализ, интерпретация, рефлексия, бинарные оппозиции, медиа, эссе, опыт переживания, коммуникация, ценностное самоопределение*

Для цитирования: *Сосновская И. В., Терентьева Н. П. Изоляция как литературный и жизненный опыт читателя: методический аспект // Педагогический ИМИДЖ. 2022. Т. 16. № 3 (56). С. 278–293. DOI: <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2022-16-3-278-293>*

Isolation as a literary and life experience of the reader: methodological aspect

Original article

Irina V. Sosnovskaya¹, Nina P. Terentieva²

¹Irkutsk State University, Irkutsk

¹sosnoirina@Yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0237-0729>

²South Ural State Humanities Pedagogical University, Chelyabinsk

²terninapavl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-6116>

Abstract. Introduction. *The paper focuses on the pressing issues of today – the methodological insight into the experience of going through the situation of isolation in its various forms in the literature. The study addresses the concept of “isolation” in an interdisciplinary context: philosophical, social, psychological, cultural, and literary. The methodological aspect is fundamental: tools for the analysis and interpretation of literary texts related to the phenomenon of isolation are developed. The paper aims to identify relevant methodological approaches to the analysis and interpretation of works of the 20th-21st centuries touching upon the isolation issues.*

Materials and methods. *The scientific prerequisite for writing this paper was the International Leiderman Readings in Yekaterinburg, the theme of which was “Isolation as a literary situation”. The methodological precondition and method of diagnosing the perception of the topic were a philosophical essay written by philology students of the South Ural Humanities Pedagogical University and Pedagogical Institute of Irkutsk State University during the period of self-isolation in 2020 and 2022. The multi-vector nature of the concept and the issue of isolation, as well as a variety of semantic facets of the isolation experience in students' essays dictate a certain choice of literary texts for analysis and interpretation in literature lessons: forced isolation of a person as a form of experiment on him; forced social isolation caused by war; isolation of people due to the epidemic; and finally, psychological isolation of a modern teenager, generated by digital environment. The relevant issues are resolved through the teacher's use of dialogue-based, reflexive technologies.*

Results. *The study analyzes the cultural and sociological sources of the problem of isolation and indicates its types. The response of modern youth (future teachers of literature) to this problem is revealed and relevant aspects of its interpretation by readers are identified. The selection of texts and methodological technologies for working with the isolation problems in extracurricular reading lessons is carried out.*

Conclusion: *The conclusion is made that it is necessary to familiarize young readers with the phenomenon of isolation in artistic, life, and social aspects. Immersion of the reading student in the literary experience of going through the isolation by heroes of books with reflexive*

and hermeneutic techniques and techniques of analysis and interpretation of texts actualizes their personal experience and emotional sufferings, thereby expanding their value world and experience of socialization.

Keywords: *isolation, self-isolation, analysis, interpretation, reflection, binary oppositions, media, essay, experience, communication, value self-determination*

For citation: *Sosnovskaya I. V., Terentieva N. P. Isolation as a Literary and Life Experience of the Reader: a Methodological Aspect. Pedagogicheskiy IMIDZH = Pedagogical IMAGE. 2022; 16(3): 278-293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2022-16-3-278-293>*

Введение

Начало нового тысячелетия уготовило обществу многообразные вызовы социального, политического, информационного, культурного, гуманитарного характера. Один из них – это изоляция, которую мы в полной мере пережили в период пандемии, что актуализировало интерес к этой проблеме.

Понятие «изоляция» более привычно рассматривать как явление социальное, гражданское и трактовать как «обособление, уединение индивидов или социальных групп (преступников, больных, «нежелательных групп»). Изоляция характеризуется минимумом социальных контактов и максимумом социальной дистанции по отношению к остальным членам общества. Изоляция может вести к нарушениям нормальной психической жизни» [1]. Культурологи и антропологи говорят о феномене культурной изоляции. С другой стороны, рождается дилемма: «культура изоляции или изоляция культуры?». Отмечено, что «чем более глобализируется мир, тем больше в нём изоляции. ... Человек готов к открытости и глобализации ровно настолько, насколько развит его культура изоляции» [2]. У этой проблемы есть и философское измерение [3; 4; 5]. Следовательно, для нас, педагогов, перспектива откликаться на явление изоляции, адаптироваться к ней, педагогически и гуманитарно реагировать на неё неизбежна.

Поводом рассмотреть проблему в педагогическом и даже методическом аспектах послужили Международные Лейдермановские чтения в Екатеринбурге, темой которых была «Изоляция как литературная ситуация» (апрель 2022 г.), проявившие в полной мере актуальность проблемы для литературоведения, педагогики и методики обучения литературе. Цель статьи – выявление реакции на переживание изоляции студентами-филологами, будущими учителями литературы, и на этой основе выявление актуальных методических подходов к сопровождению чтения и освоения школьниками сюжетов и проблем изоляции в произведениях литературы XX–XXI вв.

Материалы и методы

Для исследования проблемы изоляции в педагогическом, методическом планах мы предложили студентам-филологам, обучающимся по педагогическому профилю в Южно-Уральском гуманитарно-педагогическом и Иркутском университетах, выполнить в период вынужденной самоизоляции задания по эссе писательницы, лауреата Нобелевской премии Ольги Токарчук «Окно», опубликованное в марте 2020 года (это едва ли не первый литературный отклик на изоляцию, вызванную пандемией коронавируса). Знаменательно, что в обосновании присуждения ей Нобелевской премии отмечено: «за повествовательное воображение, которое с энциклопедической страстью представляет пересечение границ как форму жизни» [6]. Согласимся, что концепты *граница* и *изоляция* коррелируют друг с другом. Эссе позволяет автору художественно и на собственном жизненном опыте представить актуализацию и ипостаси изоляции.

Автор признаётся, что у неё нет «травмы изоляции», и это естественная реакция на переизбыток, перенасыщенность жизни современного человека событиями, впе-

чатлениями, связями, обязанностями. Изоляция возвращает человеку естество жизни. Мотив возвращения памяти позволяет автору совершить важнейшие экзистенциальные выводы о нежнейшей человеческой материи, о невидимой взаимосвязи с другими существами, нашем взаимовлиянии. Изоляция открывает человеку ценность духовной глобализации, связи со всем миром («мы одинаково подвержены болезням, одинаково боимся и одинаково умираем»), понимания того, что «вокруг нас есть ещё более слабые и нуждающиеся в помощи. Лихорадочная активность осознаётся как угроза миру» [7]. Ольга Токарчук открывает и печальные истины», давая оценку состоянию общества: слабости идеи европейского сообщества, закрытие границ, старый эгоизм с разделением на «своих» и «чужих», желание возложить вину на «чужих», поиск врага. Глобализация оборачивается изоляцией политической, социальной, духовной. Ольга Токарчук делает вывод: «Как дым рассеивается цивилизационная парадигма, формировавшая нас последние двести лет: мы – венец творения, мы всеильны, а мир зависит от нас» [7]. Речь идёт о кризисе гуманизма. Таким образом, изоляция предстаёт в эссе как духовное пространство нового открытия современного мира, его духовного статуса – от частной жизни отдельного человека до глобального состояния мира.

Разумеется, невозможно было не обратиться к эссе с таким мощным эмоциональным и смысловым посылом в период дистанционного обучения, во время пандемии. Эссе датировано 3 апреля 2020 года. Понимая всю сложность самой процедуры исследования рефлексии человеком ситуации изоляции (это крайне интимный процесс), мы обратились к эссе Ольги Токарчук, так как оно даёт возможность сделать это естественно и непринужденно в читательской аудитории. По прошествии месяца жизни в новой реальности студентам-филологам было предложено написать эссе-постскрипtum после прочтения «Окна» Ольги Токарчук. Текст стал своеобразным психологическим триггером для читателей.

В откликах студентов доминирует позиция дискуссии, спора с автором, вызванного драматизмом переживания новой реальности и изоляции. Приведём характерные отклики. Эмоциональность суждений передана риторически и оценочно:

– По словам Ольги Токарчук, на карантине мы *«сидим дома, читаем книги и смотрим сериалы, а на самом деле готовимся к великой битве за новую реальность...»*. У меня нет времени для раскладки вещей, пересаживания цветов и приготовления еды. У меня нет времени практически ни на что, кроме учебы. *«Узнав о профилактическом карантине, я ощутила нечто вроде облегчения и знаю, что многие почувствовали нечто похожее, хотя и стыдятся этого.»* Облегчение? Какое облегчение может наступить, когда твоя жизнь в один момент переворачивается и ты не знаешь, на что ты будешь завтра есть, пить, платить за ЖКХ? Облегчение могут себе позволить себе те, чей достаток позволяет сделать денежную подушку безопасности. Но большая часть молодёжи, большая часть моего окружения не относится к числу таких людей.

– Я потеряла ощущение времени, я забываю дни недели, не замечаю, как пролетают часы. Мир застыл, он в стазисе. И это почти убивает меня. Ощущение застревания где-то «между» очень ново, я не понимаю, как с ним справляться. Мне одновременно и тревожно, и спокойно, и грустно, и весело, и тяжело, и легко. Я не помню таких моментов, когда мне было так хорошо и так плохо в один и тот же момент. Всё, что я осознаю про мир прямо сейчас, – он застыл в одном положении. Это обернётся какими-то переменами, несомненно, «ничто уже не будет прежним». Но это будет хоть какое-то движение. И я с нетерпением жду этих времён, что бы они ни принесли.

Как видим, в эссе студентов обозначены драматизм и новизна проживания ситуации социальной изоляции.

Интересно было сравнить рецепцию эссе читателями, пережившими первую волну пандемии, и следующую. Через год, когда мы в той или иной мере адаптировались к ситуации изоляции и научились в ней существовать, студентам было предложено

написать эссе по значимой для них проблеме, обозначенной писательницей, выделив конкретную цитату из текста Ольги Токарчук.

Обозначим акцентированные студентами проблемы цитатно, с учётом частотности выбора.

1. Переживание понимания на экзистенциальном уровне своей человеческой природы:

«... вирус напомнил нам о том, что мы с таким усердием забывали. Что мы – хрупкие создания, состоящие из нежнейшей материи. Что мы умираем, что мы – смертны. Что мы не отделены от мира своей «человечностью» и исключительностью, но мир подобен огромной сети, в которой мы пребываем вместе с другими существами, опутанные невидимыми нитями взаимосвязей и влияний» [7].

– Какие правильные слова, вирус заставил людей (если не всех, то большинство) отделить зёрна от плевел, понять, что на самом деле важно, а что второстепенно, заставил переосмыслить жизненные ценности и ориентиры. Мы стали проводить больше времени с семьёй, как бы это странно ни звучало, стали больше говорить, узнавать друг друга. У нас появилось время, чтобы навестить родных, друзей, с которыми не виделись долгими месяцами; появилось время, чтобы узнать, кто живёт по соседству. Мы поняли, что нас всех объединяет одна беда, мы все связаны невидимой нитью и нуждаемся друг в друге.

– Я бы не сказала, что забыла о своей смертности, это знание висит над всеми, от него никуда не деться. Но когда на твоих глазах тысячами и тысячами умирают люди от неизвестного вируса, а вакцины нет, то волей-неволей начинаешь понимать, как легко умереть не в старости во сне, а от нехватки воздуха в лёгких в 22 года.

– Граница под названием «Пандемия» лишила человека внешних связей, но не внутренних: она позволила ему быть самим собой. Хотя сейчас эта граница не проявляется так ярко, как раньше, она не исчезает, напоминая о том, что в мире всё нестабильно и непредсказуемо и что людям не под силу разрушить подобный барьер. Таким образом, границы – это рамки, которые никому не подвластны, которые сдерживают свободу человека. И именно поэтому «границы существуют и не торопятся исчезать».

2. Представление о норме жизни (вспомним, например, толстовское определение «настоящей жизни»).

«Может, это не вирус нарушил норму, а ровно наоборот – тот неугомонный доверусный мир вовсе не был нормальным?» [7].

– СТОП, пора остановиться и вспомнить о том, что мы ЖИВЁМ, здесь и сейчас, как бы банально это ни звучало. У каждого из нас есть родные и близкие, есть семья, любимое дело, у нас есть чувства, мысли.

– Да, много чего мы делали в детстве, потому что у нас не было обязанностей, нас не страшила ответственность, мы не задумывались о завтрашнем дне так же серьёзно, как наши родители. И этой созерцательности, возможности остановиться и осмотреться, гулять, не думая о нескончаемом списке дел, нам как раз-таки и не хватает во взрослой жизни. Многим изоляция помогла вновь это состояние обрести.

– И да, совсем недавно я поняла, что являюсь гедонистом. Не знаю, хорошо это или плохо, но мне нравится. И я так согласна с автором статьи, что этот карантин, этот вирус дали нам отдохнуть от бешеного ритма жизни, от постоянного стремления. Мы не роботы, мы не должны быть заведёнными и энергичными 24/7. Возможно, я оправдываю себя таким образом, но я так чувствую и так живу, и не хочу менять уклад жизни гедониста. А ради чего это всё? Мы так хрупки и так слабы... Иногда у меня закладывается мысль (возможно, она покажется странной) о том, что мы прибыли в этот мир, как в рай, в котором не нужно терпеть, а нужно просто жить – радоваться мелочам, общаться с родными и близкими, быть незлобивыми, заниматься любимым делом. Счастье в мелочах, счастье в умеренной праздности, а не в заведённом 24/7 механизме.

3. Понимание рождения новой реальности, глобальных перемен, рубежа жизни.

«Мы сидим дома, читаем книги и смотрим сериалы, а на самом деле готовимся к великой битве за новую реальность, которой даже не можем себе представить, хотя постепенно понимаем: ничто уже не будет прежним» [7].

– Ольга Токарчук в своём эссе «Окна» говорит о том, что ей легче стало жить, сидя в четырёх стенах, едва выходя на улицу. А я не могу, мне было тяжело. Ты остаёшься один на один со всеми своими проблемами. Друзья далеко, спасает только Интернет. Может, мы и стали зависимы от него больше, нежели раньше. А иначе и не могло быть: учёба через Интернет, общение через Интернет, доставка еды, кино, театр... Глядишь на улицу через окно: никого. Пусто. Только люди в масках туда-сюда. Туда-сюда.

– Вирус помог немногим. Кому-то стало тяжелее. Мне не хватало воздуха, не хватало общения глаза в глаза. Учёба дистанционно далась тяжело. Первое время это казалось интересным, необычным, а позже начало утомлять, надоедать. Денно и ночью у монитора, не отрываясь, делаешь то одно, то другое в кратчайшие сроки. При обучении очно дорога в университет была уже полноценной прогулкой, общение с однокурсниками уже каким-то взаимодействием. Чувствуешь, что ты не одна, тет-а-тет с монитором компьютера или экраном телефона.

– Новая реальность началась гораздо раньше, ещё с возникновения телефонов и компьютеров. В то время люди тоже задавались философскими вопросами о семье, нравственных ценностях, будущем. Однако они не винили прогресс, со скрипом принимали изменения, приспособились. Пандемия соединила в себе психологическую потребность человека в общении и вполне понятную проблему самопринятия. Но мы всё ещё продолжаем винить именно её во всех своих бедах, казалось бы, почему?

4. Утраты самоизоляции.

«В условиях вынужденного карантина замкнутые в своих домах семьи могут невольно осознать и нехотя признать себе: семья для нас обуза, супружеские узы давно истлели. Наши дети выйдут из карантина зависимыми от Интернета, а многие из нас осознают тщету и бессмысленность положения, в котором по инерции пребывают» [7].

– Действительно, страшно даже думать о том, что нас ждёт после окончания пандемии. Как изменятся люди после длительного «заточения»? Что останется от того мира, к которому мы привыкли?

– Да кто же Вам все эти страхи внушил? Я прошу прощения за явный иронический подтекст в следующих строчках, но карантин – это не монстр, что прячется под кроватью и на ужин предпочитает филе из зависимых от Интернета детишек. Ни в коем случае не стоит этого монстра подкармливать громкими заявлениями, если Вы вдруг успели его завести. Открою страшный секрет: не внешние обстоятельства (тем более, мирового масштаба) влияют на зависимость от кого-либо или от чего-либо, абсолютно другие вещи делают из нас зависимых, они спрятаны глубоко внутри, и никакому «домашнему аресту» точно до них не добраться.

5. Разрушение гуманистической цивилизационной парадигмы.

«На наших глазах как дым рассеивается цивилизационная парадигма, формировавшая нас последние двести лет: мы – венец творения, мы всемогущи, а мир зависит от нас» [7].

– Да простят мне высшие силы мой снобизм, но данный постулат был разрушен задолго до карантина и даже до великих гражданских войн. Да, мы не боги, к сожалению, не мы управляем миром, а кто-то извне аккуратно и умело тянет за прозрачные нити нашего разума, всемогуща лишь одна наука! И рождается чувство истерии, которое передаётся от цивилизованного человека другому цивилизованному человеку быстрее любой заразы.

Заметим, что в силу обрётённого опыта проживания изоляции эти работы менее

драматичны (хотя и не лишены полемики). Примечательно, что никто из студентов не откликнулся на политическую проблематику. Читательская рефлексия эссе Ольги Токарчук показывает, что сам опыт переживания изоляции – это тоже своего рода окно в новый мир, новый опыт самопознания, ценностного самоопределения.

Результаты исследования

Как факт социальной жизни человека, как событие и ситуация в художественном тексте изоляция всегда была предметом осмысления в художественном творчестве как в русской, так и в зарубежной литературе, и, тем более, в современной литературе [8]. Однако именно в психологическом ключе, в котором сегодня осознаётся это понятие как состояние человека, его «внутренняя история», как «особое пространство», организуемое по причине техногенных катастроф и эпидемий, ранее явление не рассматривалось. Рефлексия студентов по поводу переживания собственного опыта изоляции в период пандемии, во-первых, обнаружила актуальность этой проблематики, а во-вторых, стала своеобразным импульсом к поиску методических сюжетов анализа и интерпретации художественных произведений с этой тематикой. Настала пора осмыслить и рассмотреть в этом феномене именно методическое измерение.

Многовекторность проблематики изоляции в рефлексивных эссе студентов позволяют рассматривать разные смысловые грани этого понятия в художественных произведениях. С учётом многоаспектности понятия выделяются следующие виды изоляции:

- социальная (например, эпидемии, блокады, войны и др.);
- социокультурная или политическая (эмиграция, этническая, классовая);
- эскапизм (изоляция как творческий акт);
- психологическая изоляция (например, индивидуальная – добровольная или принудительная, отчуждение, маргинализация и др.).

Если посмотреть на эту проблему с точки зрения содержания литературного образования, то можно увидеть, что во многих классических произведениях школьной программы тема изоляции человека как социального и социокультурного явления присутствует, причём начиная буквально с 5 класса. Так, во многих сказках Г. Х. Андерсена сюжеты насильственной («Снежная королева») и добровольной («Дикие лебеди») изоляции героев становятся центральными. Одиночество – ключевая тема не только многих историй Андерсена, но и сказок О. Уайльда («Счастливый принц», «Звездный мальчик» и др.). Физическая изоляция маленького героя в состоянии болезни описана в рассказе В. Белова «Скворцы». Мотив отсутствия голоса как мотив самоизоляции героя раскрывается в повести И. С. Тургенева «Муму». Изоляцию как социальную, психологическую историю переживают герои М. Ю. Лермонтова («Мцыри», «Герой нашего времени»). Состояние изоляции как отчуждения от социума присутствует в романах Ф. М. Достоевского. Тема добровольного уединения, сосредоточенного занятия своим делом, неприятия чужих позиций и точек зрения и вследствие этого отчуждения от общества представлено в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Список произведений с проблематикой изоляции существенно расширился в процессе изучения художественных произведений XX–XXI вв., внеклассного чтения современной литературы для подростков и юношества. Возможные методические подходы к организации внеклассного чтения и интерпретации произведений с означенной проблематикой стали предметом дискуссии на методическом семинаре со студентами-филологами. Рамки статьи не позволяют показать методику анализа и интерпретации проблемы изоляции на большом количестве текстов. Наш выбор обусловлен, во-первых, актуальной проблематикой студенческих эссе, а во-вторых, теми аспектами феномена изоляции, которые, на наш взгляд, являются сегодня особенно актуальными в аксиологическом плане [9].

Рассказ А. Грина «Пропавшее солнце» в полной мере раскрывает деструктивные

функции изоляции, которая в этом произведении представлена как насильственная. В центре рассказа – эксперимент над ребёнком, который насильственно помещён с рождения в замкнутое пространство без окон, т.е. в искусственную среду без света и солнца. Проблематика изоляции раскрывается через целый ряд композиционных приёмов, ярких образов и мотивов. Уже на уровне «сильных позиций» – заглавия, вступления и заключения: автор даёт почувствовать и осознать читателю весь ужас и жестокость происходящего. Мотив и образ солнца как символа жизни и свободы человека, поставлен в заглавие в минус-позицию – «Пропавшее солнце», что с самого начала готовит нас к приходу Тьмы, а вместе с ней – Зла и Предательства. Продажа матерью своего новорождённого сына за крупную сумму денег неизвестному богачу и проговаривание условий этой «сделки» является своеобразным зачином дальнейшей трагической истории. Именно на этом этапе повествования автор психологически готовит читателя, буквально нагнетая тревожное настроение при помощи эмотивной лексики: «человек без сердца», «утончённые злодейства», «играть с живыми людьми», «мистификатор и палач», «обезумевшая от нищеты», «суждены страдания» и др. [10, с. 153]. Образ изоляции, созданный во второй главе, рождает совершенно определённые ассоциации с нашей современностью. Если вывести школьника-читателя в рефлексивную позицию при помощи рефлексивных приёмов анализа и интерпретации текста (актуализация эмоциональной памяти, идентификация, жизненный опыт), то учащиеся смогут ярче представить картину искусственного затворничества, понять переживания личности героя, представить возможную деформацию сознания растущего в этих условиях ребёнка. Покажем примерный ход такого анализа текста:

– Вспомним 2020 год, когда эпидемия отгородила нас от внешнего мира. Как вы себя ощущали? Походит ли ситуация в тексте на то, что случилось с нами? Чем?

– Что может помочь человеку справиться с подобной ситуацией? Была ли такая возможность у героя рассказа?

– Представьте себя на месте героя. Что вы чувствуете? О чём думаете? А. Грин называет мальчика «задумчивым». Почему? Как может повлиять на человека жизнь в таких условиях?

– Представьте, что вас лишили информации, лишили связи с внешним миром или предлагают недостоверную информацию о мире, как Роберту. Как это может влиять на нас? Насколько это опасно для человека?

Подобный рефлексивный анализ способствует глубокому проникновению в текст «через себя» [11]. Вникнув в суть насильственной изоляции и в её негативные последствия для человека, читатель по мере дальнейшего погружения в текст понимает всю меру бесчеловечности экспериментов над человеком.

Более глубокому пониманию текста может способствовать стратегия бинарных оппозиций, «пирамиду» которой учитель будет выстраивать в процессе анализа и интерпретации произведения вместе с учащимися [12]. Применение этой стратегии будет вполне уместно, потому что ключевым композиционным приёмом в рассказе является антитеза. Примерная «пирамида бинарных оппозиций» может выглядеть так:

Тьма	–	Солнце
Комната без окон	–	Солнечный сад
Игрушка	–	Человек
Жестокый, Хладнокровный	–	Наивный, Добрый
Злорадство	–	Торжество
Обман	–	Истина
Отчаяние	–	Твёрдая уверенность

Беспамятство	–	Память
Страдание	–	Победа
Изоляция	–	Свобода
Смерть	–	Жизнь
Вечное	–	Временное

Мифологический контекст первой оппозиции «Тьма – Солнце» выводит нас на проблематику Добра – Зла, последняя оппозиция «Временное – Вечное» носит ценностный характер и раскрывает аксиологический аспект проблематики: любые эксперименты человека над человеком преходящи. Вечно – Солнце как источник Добра, Света, Жизни, Красоты, Свободы.

Пространство контекстуального анализа может быть расширено, если учитель обратится к мифологическому, библейскому контекстам и введёт культурологический комментарий. В этом аспекте интересно рассмотреть образы Тьмы и Солнца, имена героев Роберта и Авеля, образ Сада, образы Света и Цвета. Можно применить приём составления ассоциативных рядов: солнце – свет – тепло – жизнь – смысл всего живого – добро и т.д.; тьма – мрак – холод – страх – тревога – болезнь – гибель – зло и т. д. Подобные приёмы так или иначе выведут школьников на основной конфликт произведения.

Рассказ «Пропавшее солнце», как правило, производит очень сильное впечатление на юных читателей. Особенно потрясает открытый финал. Это даёт возможность учителю предложить учащимся дописать рассказ в жанре сиквела или фанфика.

Работа над рассказом завершится размышлением школьников над вопросами:

– Что помогло герою понять истину? Как вы понимаете выражение «обман открылся ему изнутри»?

– Для кого «пропало солнце» в рассказе? Кто победил и кто проиграл?

– Против чего протестует автор и в каких словах выражает свой протест?

В процессе обсуждения школьники приходят к выводу, что подобные эксперименты над человеком, насильственная изоляция – «...явление опасное, порождающее прецеденты общественного насилия, скрытого под маской научно обоснованного действия» [2]. Именно поэтому явление должно быть подвергнуто этическому, моральному, аксиологическому анализу [9].

Чтение рассказа Д. Рубиной «Золотая краска» может продолжить разговор со школьниками о стратегиях выживания человека в экстремальных социальных обстоятельствах. Тем более, что этот рассказ частично соотносится с рассказом А. Грина как с точки зрения темы социальной изоляции, так и с точки зрения особенностей образного мира текста.

Рассказ начинается с откровения автора: «... сейчас остаётся только удивляться: что заставило меня записать тем же вечером рассказ нашего случайного собутыльника? Что заставило сейчас извлечь его <...> из праха распавшихся на горстку ветхих страниц записной книжки?.. [12, с. 23] Что заставляет нас сегодня перечитывать этот рассказ снова и снова? Это экспозиция настраивает читателя на то, что сейчас он услышит нечто важное, что удивит и захватит его. Перед нами, казалось бы, простая, но удивительная история о том, как в годы войны семья прячет в подвале молодую еврейку-художницу, спасая её от рук нацистов. И это ещё один опыт переживания ситуации вынужденной изоляции, опыт восприятия мира «по ту сторону» жизни. Свообразие хронотопа в рассказе отражает парадокс восприятия времени в замкнутом пространстве: оно сжимается до нескольких фраз: «... она пересидела фюрера! Когда пришли советские войска, выползла из подвала...» [12, с. 26]. Для Д. Рубиной важно внимание к подробностям, всматривание в детали, передача состояния человека в подобной си-

туации: крутая лестница, одна лампочка, полутьма, тоска, руки, которые ноют без работы и т.д. Автор хочет, чтобы мы внимательно присмотрелись к мелочам, почувствовали атмосферу затворничества изнутри, атмосферу, которая может привести человека к любому душевному срыву. Но как раз срыва и не происходит! Что же нарушает «границы» затворничества? Почему меняется локус изоляции? Всего один маленький эпизод открывает читателю условия, при которых изоляция становится для героини актом творчества, а творчество становится стратегией выживания. Если подходить к интерпретации этого «высвобождения» в мифологическом и образном контексте, то именно Солнце, солнечный (золотой) свет и побеждает Тьму войны и подвала, потому что Солнце – это символ жизни и возрождения, и это вечно. К этому выводу школьники приходят сами или с помощью учителя в процессе размышления над вопросами:

– Является ли выбор золотой краски, которую рассказчик крадёт для Эстер, случайностью?

– Почему автор перечисляет нарисованные Эстер золотой краской в подвале пейзажи в такой последовательности: «деревья», «озеро», «мостик над ручьём», «лес», «собор»? [12, с. 26–27]?

– Почему после окончания войны и изоляции героиня «никогда больше в работе не использовала золотую краску»? [12, с. 27]?

– Рассказчик называет послевоенные пейзажи Эстер, нарисованные другими красками, «прозрачными, невесомыми, прямо ангельскими» [12, с. 27]. А как бы вы могли назвать «подвальные пейзажи» героини?

– Почему Д. Рубина выносит «золотую краску» в название рассказа?

– Почему рассказчик после смерти Эстер отказывается продавать её золотые пейзажи за большие деньги, которые ему предлагают?

– По словам автора, этот «простой рассказ» имеет «судьбоносную мощь» [12, с. 24]. Как вы понимаете это выражение в контексте рассказа? А в вашем жизненном контексте этот рассказ может быть значимым? Почему?

– Считаете ли вы, что эта история содержит в себе нечто сакральное, важное и ценное для нас сегодня, что должно оставаться в нашей памяти?

После анализа рассказа разговор со школьниками может идти в рефлексивном ключе, например, о том, какие внутренние ресурсы помогают человеку пережить такие экстремальные ситуации, как эпидемии, пандемии или изоляцию? Что или кто в нашем окружении помогает жизни и событиям в ней «сиять»? Такой анализ литературного произведения, актуализируя аксиологические ситуации, связанные с опытом проживания изоляции, ведёт читателей к ценностному самоопределению [9].

Сегодня, переживая разного рода социальные потрясения, мы можем говорить с детьми о таком понятии, как «культура изоляции» [2]. Если у человека есть духовные потребности и он умеет находить жизненно важный, ценностный смысл в любом событии, то и в тяжёлых социальных ситуациях он будет «черпать ресурсы» не просто для выживания, но и для своего духовного роста.

Рассказ Л. Петрушевской «Гигиена» – это рассказ-антиутопия, причём жанр выбран писательницей не случайно: произведение материализует мифологему конца света, причём порог между жизнью и смертью – самая устойчивая «смотровая площадка» прозы Петрушевской. Она обнажает ещё одну грань социальной изоляции в результате обрушившейся на людей эпидемии неизвестного вируса. Автор показывает, как ведут себя обыкновенные люди внутри своей семьи, буквально парализованные страхом заразиться и погибнуть.

Сама Л. С. Петрушевская считала, что новелла должна вызвать у читателя шок. Инфографика, которую мы предлагаем учащимся выполнить сразу после прочтения рассказа, представлена в тёмных тонах, и рефлексия школьников: «Я сейчас чувствую ужас, страх, шок, не могу определить своё состояние, чувство безразличия, хочется

пойти вымыться и забыть о том, что читал...», «...как предотвратить подобную катастрофу?», «...оказалось, что этот ужас возможен и в нашей жизни...» и т.д. – именно шок и демонстрирует. Таким образом создаётся установка на восприятие сложного метафорического рассказа «Гигиена», многие события которого явственно напоминают нам то, что произошло в нашей жизни недавно. Мотивационной установкой также могут служить новостные заголовки и заголовки статей, вышедших в первые месяцы пандемии в 2020 году.

В названии рассказа объединяется несколько аспектов: прямое – гигиена тела, переносное – гигиена души. Старшеклассники отмечают, что в финале рассказа прямое значение опровергается: отец, строго соблюдавший правила гигиены, умирает, а девочка, не умеющая ухаживать за собой, остаётся живой. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, нужен диалог с текстом и с автором, который поможет юным читателям заглянуть в себя, осознать причины своих поступков. Диалог может выстраиваться в процессе обсуждения следующих вопросов:

– Почему в рассказе не указаны время и место действия?

– Почему не все герои имеют имена?

– О какой гигиене больше заботятся герои рассказа?

– Чем личная гигиена отличается от личностной?

– Какую роль играет образ кошки в рассказе?

– Почему еда и смерть связаны в рассказе?

– Почему героев не спасает изоляция?

– Почему выживает только парень, предлагающий помощь, девочка и кошка, а все остальные умирают?

– Зачем Л. С. Петрушевская написала этот рассказ?

Размышляя над вопросами, учащиеся постепенно будут подниматься по лестнице смыслов.

Повествование в рассказе концентрировано и ёмко. Автор фиксирует семейные «ритуалы изоляции». Пространство сужено до границ одной комнаты, и только эпизодично действие выносится на улицу: «...все сидели по домам. Все ожидали»; «Елену пришлось держать запертой в ванне»; «Уютная детская комната <...> превратилась в карантин»; «...запирая дверь на стул» [11, с. 1–3]. Автора занимает только одна семья, но именно через неё передается нам боль и тревога за всё человечество. Драматургия отношений внутри семьи складывается под воздействием нарастающего чувства страха и паники, стремления обезопасить и спасти только себя. При этом члены семьи забывают о том, что они родные люди; между ними вырастает стена отчуждения и равнодушия:

«– Иди в свою комнату, детка, иди. Иди с кошечкой. Ах ты, гадина, ах, сволочь. Доигралась с кошечкой, дрянь такая. А? Доигралась?»

– Не ори, – сказала девочка и быстро убежала к себе.

Следом за ней пошёл дед и побрызгал все её следы одеколоном из пульверизатора. Потом он запер дверь в детскую на стул, потом позвал Николая, тот спал после бессонной ночи, с ним спала и Елена. Они проснулись. Всё было обсуждено. Елена начала плакать и рвать на себе волосы. Из комнаты девочки доносился стук» [11, с. 2].

Люди сами лишают себя любых контактов, отказываются от помощи, ожесточаются. Так, в пограничной ситуации балансирования между жизнью и смертью автора интересует не сам человек по себе, а его взаимоотношения с другими людьми, близкими ему. Разрушение семейных контактов, социальных и общественных связей обнажает уродливость и бесчеловечность происходящего. В поисках продуктовых запасов люди идут на мародёрство, потеряв не только человеческий облик, но и душу: «Николай пошёл с рюкзаком и ножом, их там внизу оказалась целая группа людей, милиционера окружили, подмяли, через витрину стали впрыгивать и выпрыгивать люди, кто-то

подрался с женщиной, отобрал у неё чемодан с хлебом, ей зажали рот и утащили в булочную...» [11, с. 2]. При анализе подобных эпизодов старшеклассникам открывается страшная проблема – угроза самоуничтожения человечества.

В рассказе выживают только два героя – юноша, который добровольно ходит по этажам и предлагает свою помощь, и девочка, которая, жалея кошку, пытается спасти её, отдавая половину своей еды. И это символично. Функция мотива и образа изоляции в этом рассказе заключается в том, чтобы показать, что изоляция, при помощи которой люди пытаются спасти себя, не отменяет их гибели и не возвращает их к жизни. Изоляция в семье друг от друга – это тупик, и трагизм человека не в смертельном вирусе, а в равнодушии друг к другу. Образ изоляции так же, как и образ гигиены, иносказателен, т. к. автор говорит не о гигиене тела, которая никого не спасает, а о гигиене души. Болезнь – также метафорический образ. Это не только вирус в буквальном смысле этого слова. Это «болезнь общества», его нравственная деградация, «всё возрастающее равнодушие и отказ от любых социальных связей» [3].

После анализа рассказа предложим учащимся рефлексивные вопросы, проявляющие личностную сопричастность произведению и позволяющие осмыслить опыт «проживания» литературного произведения читателем:

- Что этот рассказ открыл для меня в себе самом?
- В каких героях и в каких ситуациях мы узнаём себя?
- Какие герои вызывают у меня светлые чувства?
- Как сохранить «личностную гигиену» в изоляции?
- Кому из героев я хотел бы задать вопросы? Какие?

Вскрывая причины страшной деформации личности в период катастроф, автор показывает, что убогость человеческого существования не в том, что «среда виновата» или «быт заел», а в нашей собственной несвободе в движении к духовному. Автор убеждён, что причины человеческих катастроф кроются даже не в страшных инфекционных заболеваниях, уничтожающих человека физически, а в равнодушии людей к друг другу и в их разобщённости. Именно поэтому любая социальная и жизненная катастрофа может вести не только к разрыву многолетних связей и отношений между людьми, но и к их внутреннему опустошению и обезличиванию.

Новый тип изоляции, ставшей обыденной реальностью и образом жизни современного человека, породил компьютерные технологии и социальные сети. «Ведь в атмосфере всеобщей коммуникации, пресыщенности информацией, прозрачности бытия и промискуитета защитные силы человека оказываются под угрозой» [2]. Это психологическая изоляция, для которой характерны отчуждение от сверстников, близких, других людей, уединённость, замкнутость в себе, отделённость от мира, уход в виртуальную реальность. Опыт проживания подобных ситуаций становится проблематикой современных книг о подростков. Среди них – повесть А. Жвалевского и Е. Пастернак «Пока я на краю», в которой отчуждение и одиночество юной героини становятся вариантом изоляции. Образ жизни, мыслей и чувств героини повести «Пока я на краю» вписан в интернет-пространство. Алка – постоянный пользователь соцсетей. Её жизнь проходит в основном в чатах, где она активно постит, куда выкладывает свои странные стихи, рисует аниме, меняет аватарки, мистифицирует свой образ и т.д. Авторы не скупаются на интернет-детали и подробности ненастоящей жизни, показывая, как виртуальная реальность затягивает Алку в иллюзорный мир, все более отдаляет от реальности: «Мир – отстой!» [13, с. 4]. Мы знакомимся с героиней, когда она уже не способна адекватно общаться ни с близкими, ни с друзьями, ни с учителями: «Никто ко мне не подходит! – крикнула Алка. – От всех тошнит!» [13, с. 8]. Деструктивное воздействие информационной среды очевидно: мы видим, как нарастает у героини противостояние по отношению к семье, одноклассникам, как рвутся связи с миром: «...нужно как-то реагировать на мир, который бесит...» [13, с. 6].

В ситуации одиночества, тоски и депрессии Алка попадает в преступную группировку, участники которой готовят подростков к суициду. Авторы проводят героиню через серию жёстких испытаний, читать о которых страшно. И только внутренняя стойкость героини, её нравственный стержень и активное сопереживание родителям и другим ребятам, попавшим в беду, спасают Алку от последнего шага: «Когда человек живой, это такое счастье» [13, с. 241].

Читать сегодня подобные книги со старшеклассниками непросто. Важно правильно расставить акценты, вести разговор корректно, и в то же время вопросы должны затрагивать школьников за живое. Например, перед чтением повести предложим учащимся рефлексивные вопросы:

– Чем общение в Интернете отличается от живого непосредственного общения?

– Всегда ли ты понимаешь чувства и намерения того, с кем общаешься в соцсетях?

Какие риски ты видишь в этом общении?

– Какие позитивные и негативные стороны влияния Интернета для себя лично ты можешь назвать?

Работая с образами героев, используем рефлексивные приёмы идентификации, актуализацию своего жизненного опыта, список своих впечатлений и впечатлений героя с целью оценки его состояния, например:

– Почему Алка так легко попадает под влияние преступной группировки? Любого ли подростка можно затянуть в группу? Что, с вашей точки зрения, может этому способствовать? Какие приёмы манипуляции людьми в соцсетях тебе известны?

– Почему все попытки самоубийства Алки заканчиваются неудачей? Считаете ли вы, что это стечение обстоятельств?

– Почему Яков называет Алку «уникальным человеком»? В чём её уникальность? Каким человеком вы себя считаете, слабым или сильным?

– Какое событие в жизни героини стало для неё отправной точкой, которая изменила её отношение в жизни, к людям? Случались ли в вашей жизни такие «повороты»?

Учитель может привлечь конкретные данные социологического исследования о том, что «...почти каждый второй школьник сталкивается с пропагандой самоубийства (48 %). Мимикрируя под различные игры, организаторы подобных сообществ используют всю атрибутику, свойственную играм суицидальной направленности» [14, с. 20].

Анализируя шаг за шагом путь героини к её высвобождению из пут преступников, школьник-читатель начинает понимать, что, если человек опирается на свои внутренние ресурсы и нравственные опоры, у него есть шансы на спасение. Главная героиня способна анализировать свои поступки, критически оценивать себя и других, у неё есть своя позиция по отношению к людям, миру. Именно это делает её «уникальной личностью», для которой нравственные ценности не обесценились под негативным воздействием цифровой среды.

Продолжением серьёзного разговора с учащимися могут быть письменные работы в жанре эссе, письма, аннотации. Например, представьте, что ваш друг попал в трудную и опасную жизненную ситуацию. Напишите ему письмо или посоветуйте прочитать нужную книгу, к которой составьте короткую, мотивирующую к чтению аннотацию.

Популярные авторы показывают, что социальные сети, резко ограничивая духовный мир подростка, затягивая его в сферу отчуждения и изоляции от настоящего мира и близких людей, становятся социально опасным и манипулятивным пространством. Выход из этого пространства есть, даже если ты оказываешься «на краю». Авторы предлагают юному читателю выбор: формировать глубокую социальность и быть счастливым, открытым миру реальному или с головой уйти в виртуальный мир.

Заключение

Безусловно, обращение к проблематике изоляции в литературе XX–XXI веков – это серьёзное эмоциональное и духовно-нравственное испытание как для учителя, так и

для учеников. С другой стороны, оно дарует читателям литературный и жизненный опыт проживания изоляции – её катастроф, терний, испытаний. И озарений – открытия внутренних духовных ресурсов преодоления трагических обстоятельств «бездны мрачной на краю» (А. С. Пушкин). Рефлексивные технологии и практики, включённые в анализ предложенных произведений, делают этот процесс лично значимым, животворящим, актуализируя ценностное самоопределение читателей-школьников.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева»; регистрационный номер заявки № МК-2022/10 от 28.04.2022 «Новые подходы к изучению литературы в кризисную эпоху».

Заявленный вклад авторов

Терентьева Н. П.: идея статьи, анализ характера изученности проблемы, разработка констатирующего этапа исследования, проведение эмпирического исследования и обработка результатов, заключение и концептуальные выводы.

Сосновская И. В.: идея статьи, разработка и применение методического инструментария на материале концептуального анализа литературных произведений, подготовка статьи к публикации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Список источников

1. Сосновская И. В. Открытие смысла художественного произведения через систему бинарных оппозиций (по повести А. Платонова «Сокровенный человек») // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т., 2017. Вып. 1 (3): Филология. С. 47–56.
2. Газарян А. Культура изоляции или изоляция культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://alexey-gazaryan.livejournal.com/6488.html> (дата обращения 26.05.2022).
3. Бодрийяр Жан. Город и ненависть [Электронный ресурс]. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm (дата обращения 6.06.2022).
4. Музашвили Д. З. Проблема одиночества в социальной философии // Философия и общество. 2010. № 3 (59). С. 101–109.
5. Юдич Е. А. Проблема одиночества в контексте философии // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6. С. 97–102.
6. Горбунов А. «Чуткий повествователь». О творчестве Ольги Токарчук [Электронный ресурс]. URL: <https://pechorin.net/articles/view/chutkii-poviestvovatel-i-tvorchiestvie-ol-ghi-tokarchuk> (дата обращения 8.06.2022).
7. Токарчук О. Окно [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.pl/ru/article/olga-tokarchuk-okno> (дата обращения: 27.04.2022).
8. Как переживали изоляцию писатели и их герои. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/materials/255668/kak-perezhivali-izolyaciyu-russkie-pisateli-i-ikh-geroi> (дата обращения :26.05.2022).
9. Терентьева Н. П. Концепция аксиологизации литературного образования: монография. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. 351 с.
10. Грин А. Пропавшее солнце / Собр соч. в 6 томах. Т. IV. М. : Правда, 1980. С. 153–157.
11. Петрушевская Л. С. Гигиена [Электронный ресурс]. URL: www.rulit.me (дата обращения :26.05.2022)
12. Рубина Д. Медная шкатулка: рассказы. М. : Э, 2015. 416 с.

13. Жвалевский А., Пастернак Е. Пока я на краю: повесть. М. : Время, 2021. 256 с.

14. Друкер М. М. Медиапотребление современных подростков в условиях цифровой среды (на материале опроса старших школьников Калининградской области) [Электронный ресурс]. // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 15–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediapotrebienie-sovremennyh-podrostkov-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy-na-materiale-oprosa-starshih-shkolnikov-kalininogradskoy-oblasti> (дата обращения: 10.12. 2021).

References

1. Sosnovskaya I.V. Otkrytie smysla hudozhestvennogo proizvedeniya cherez sistemu binarnykh oppozitsiy (po povesti A. Platonova «Sokrovennyi chelovek») [The discovery of the meaning of a work of art through a system of binary oppositions (based on the story “The Hidden Man” by A. Platonov)]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Ulan-Ude [The Buryat State University Bulletin. Series: Philology]*, 2017, vol. 11 (3), pp. 47–56. (In Russian).

2. Gazaryan A. Kul'tura izolyatsii i izolyatsiya kul'tury [Culture of isolation or isolation of culture] // *LiveJournal [LiveJournal]*. Available at: <https://alexey-gazaryan.livejournal.com/6488.html> (In Russian) (accessed 26.05.2022).

3. Baudrillard Jean. Gorod i nenavist' [City and Hatred]. *Logos Publ.* 1997. vol. 9. pp. 107–116. (In Russian).

4. Muzashvili D.Z. Problema odinochestva v sotsial'noj filosofii [The problem of loneliness in social philosophy] *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]*. 2010. No. 3 (59). pp. 101-109. (In Russian).

5. Yudich E.A. Problema odinochestva v kontekste filosofii [The problem of loneliness in the context of philosophy]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. [Bulletin of Tomsk Polytechnic University]*. 2011. vol. 318. No. 6. pp. 97-102. (In Russian).

6. Gorbunov A. «Chutkiy povestvovatel'». O tvorchestve Ol'gi Tokarchuk [“Sensitive narrator”. About the work of Olga Tokarchuk]. Available at: <https://pechorin.net/articles/view/chutkii-povestvovatel-o-tvorchiestvie-ol-ghi-tokarchuk>. (In Russian). (accessed 08.06.2022).

7. Tokarchuk O. Okno [Window]. Available at: <https://culture.pl/ru/article/olga-tokarchuk-okno>. (In Russian). (accessed 27.04.2022).

8. Kak perezhivali izolyatsiyu pisateli i ikh geroi [How writers and their heroes coped with isolation]. Available at: <https://www.culture.ru/materials/255668/kak-perezhivali-izolyatsiyu-russkie-pisateli-i-ikh-geroi> (In Russian). (accessed 26.05.2022).

9. Terent'eva N.P. *Kontsepciya aksiologizatsii literaturnogo obrazovaniya: Monografiya* [The concept of axiologization of literary education]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Publ., 2013. 351 p. (In Russian).

10. Grin A. *Propavshee solntse* [The missing sun]. *Sobr. soch. v 6 tomakh [Collected works in 6 volumes]*. Vol. IV. Moscow, Pravda Publ., 1980. pp. 153–157. (In Russian).

11. Petrushevskaya L.S. Gigiena [Hygiene]. Available at: www.rulit.me. (In Russian) (accessed 26.05.2022).

12. Rubina D. Mednaya shkatulka: rasskazy. [Copper box: stories]. Moscow, E Publ., 2015. 416 p. (In Russian).

13. Zhvalevskij A., Pasternak E. Poka ya nakrayu: povest' [While I'm on the edge: a story]. Moscow, Vremya Publ., 2018. 256 p. (In Russian).

14. Друкер М.М. Медиа потребление современных подростков в условиях цифровой среды (на материале опроса старших школьников Калининградской области) [Media consumption of modern adolescents in a digital environment (based on a survey of senior schoolchildren of the Kaliningrad region)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2020. Vol. 1 (35). (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediapotrebienie-sovre->

mennyh-podrostkov-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy-na-materiale-oprosa-starshih-shkolnikov-kaliningradskoy-oblasti (accessed 26.05.2022).

Сосновская Ирина Витальевна
доктор педагогически наук профессор
кафедры филологии и методики

Irina V. Sosnovskaya
Doctor of Sciences (Pedagogy),
Professor of the Department of Philology
and Methods

Педагогический институт,
Иркутский государственный универси-
тет

Pedagogical Institute,
Irkutsk State University

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Сухэ-Ба-
тора, 9

9 Sukhe-Bator St, Irkutsk, Russia, 664011

тел.: +7 (3952) 240700

tel.: +7 (3952) 240700

Терентьева Нина Павловна

Nina P. Terentieva

доктор педагогических наук, профес-
сор кафедры литературы и методики
обучения литературе

Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor
of the Department of Literature and Litera-
ture Teaching Methodist

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический универси-
тет

South Ural State Humanities Pedagogical
University

454080, Россия, г. Челябинск, пр. Лени-
на, 69

69 Lenin Ave (Prospekt Lenina), Chely-
abinsk, Russia, 454080

тел.: +7 (351) 2165601

tel.: +7 (351) 2165601

Статья поступила в редакцию 19.07.2022, одобрена после рецензирования
12.09.2022, принята к публикации 15.09.2022.